

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П. Аникиев

Апология мистики по творениям преп. Симеона Нового Богослова

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1915. № 3. С. 403-423.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Апология мистики по твореніямъ преп. Симеона Новаго Богослова *).

ВТОРОЙ способъ провѣрки мистическаго опыта есть сравненіе своего опыта съ данными св. Писанія и со святоотеческими твореніями, и прилагается онъ къ мистической практикѣ параллельно съ первымъ, т. е. съ указаніями духовнаго отца: „молитвами и слезами умоли Бога—пишетъ преп. Симеонъ—послать тебѣ руководителя безстрастнаго и святаго. Изслѣдуй и самъ Божественныя Писанія, и особенно дѣятельныя писанія св. отцевъ, чтобъ, съ ними сличая то, чему учать тебя учитель и настоятель, могъ ты, какъ въ зеркалѣ, видѣть, насколько они согласны между собою, и затѣмъ согласное съ писаніями усвоить и удерживать въ мысли, а несогласное—разсудивъ добрѣ—отлагать, чтобъ не прельститься. Ибо знай, что во дни сіи много явилось прелестниковъ и лжеучителей“ (гл. 33, II, 516—517=Mg. 617—618 АВ) ¹⁾. „Откуда можемъ мы узнать, имѣемъ ли мы въ себѣ, въ душахъ своихъ, Христа и какъ можемъ изслѣдовать самихъ себя въ семъ отношеніи до точности?“—ставитъ вопросъ преп. Симеонъ и отвѣчаетъ на него: „такъ: возъ-

*) Продолженіе. См. февраль.

¹⁾ Самъ преп. Симеонъ свой личный мистическій опытъ старался провѣрить сравненіемъ съ мистическими созерцаніями какъ апостоловъ Стефана и Павла (div. am. 522 А—523 С) и другихъ апостоловъ и пророковъ (div. amog. 549 D—549—550 А), такъ и св. отцевъ, напр. преп. Антонія Великаго, Арсенія Вел., Евфимія В., Саввы и др., въ особенности съ „духовнымъ дѣланіемъ святаго и блаженнѣйшаго Симеона Благоговѣйнаго, который, какъ солнце, сіялъ въ славномъ монастырѣ Студійскомъ“, сл. 81, т. II, 344—357=Mg. 7 ог., 350 С—357 С.

мемъ слова Божественнаго Писанія, положимъ ихъ предъ душами нашими, какъ зеркало, и станемъ сличать съ ними во всемъ самихъ себя; тотчасъ и познаемъ, что такое мы воистину“ (сл. 57, II, 43; All. LVІ и ср. сл. 70, II, 204, All. XXXI). Въ евангеліи отъ Іоанна гл. I, 12—14 указываются, по словамъ преп. Симеона, главные признаки, по коимъ познаются вѣрные, и по коимъ мы можемъ и самихъ себя познавать и ближнихъ своихъ: 1) вѣра въ Іисуса Христа, какъ Богочеловѣка, 2) соединенная съ нею „святость, достигаемая чрезъ дѣланіе заповѣдей Христовыхъ“ ¹⁾, и 3) жизнь въ Церкви, выражающаяся чрезъ сознательное участіе въ таинствахъ: „св. евангелистъ и говоритъ—читаемъ у преп. Симеона: „елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. И Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видихомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины (Ин. I, 12—14). На-те! Вотъ вамъ зеркало, о коемъ я сказалъ прежде,—эти самыя слова! И посмотрите, прошу васъ, какая точность въ словахъ евангелиста! Какъ ясно обозначаетъ онъ признаки, по коимъ познаются вѣрные, чтобъ мы и самихъ себя могли познать, и ближнихъ своихъ! Елицы же, говоритъ, пріяша Его, разумѣется, посредствомъ вѣры, и исповѣдали Его Богомъ, а не человѣкомъ только, даде имъ область чрезъ крещеніе чадами Божиими быти, освободивъ ихъ отъ тиранства діавола; такъ чтобы они не только были вѣрными, но, если восхотятъ жить и по заповѣдямъ Его, чтобы къ вѣрѣ притяжали и святость чрезъ дѣланіе заповѣдей Его, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Господь: святы будите, яко Азъ святъ есмь (Лев. XIX, 2). И опять: будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть (Лук. VI, 36). Потомъ евангелистъ показываетъ и способъ, какъ таковые дѣлаются чадами Божиими, говоря: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. Рожденіемъ здѣсь называетъ онъ духовное измѣненіе, совершающееся и

¹⁾ Ср.—добродѣтели суть „Божіи знаменія, кои должна имѣть душа, царствующая Богомъ“ сл. 44, I, 366—Mg. 13 ог. 379 АВ; исполненіе заповѣдей, какъ свидѣтельство обладанія благодатью, гл. 86, II, 534—Mg. 645—646 С и 647—648 А, ѿѣ.

узрѣваемое чрезъ крещеніе Духомъ Святымъ, какъ говорить Самъ неложный Господь: „Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ“ (Д. А. I, 5). Посему крещаемые Духомъ Святымъ бываютъ, какъ свѣтъ во свѣтѣ, и знаютъ Родившаго ихъ, потому что видятъ Его. А что рожденные благодатию Святаго Духа имѣютъ нужду быть питаемыми и святымъ причащеніемъ Пречистаго Тѣла и Честныя Крови Господа нашего, о семъ послушай, что говоритъ евангелистъ: и Слово плоть бысть и вселися въ ны. И что слова сіи говорятъ о Пречистыхъ Тайнахъ, послушай Господа, Который говоритъ: „ядый Мою плоть и пійай Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ“ (Ин., VI, 56)...“ (сл. 57, II, 45—46). Главнымъ „масштабомъ“, которымъ долженъ руководствоваться мистикъ при провѣркѣ того, насколько онъ отданъ и вѣренъ заповѣдямъ Христовымъ, а, слѣд., и того, подлинно ли имѣетъ онъ въ себѣ Христа и благодать Его, служатъ евангельскія заповѣди блаженства ¹⁾, при чемъ для болѣе раннихъ ступеней мистическаго опыта самыми характерными свидѣтелями подлинности являются—смирненіе и „слезы безъ печали“, или „во истину наиблаженнѣйшій плачь, приѣмлющій и утѣшеніе и дѣлающій душу кроткою“ (I, 35; ср. II, 12=Mg. 22 ог., 425 D), а для высшихъ ступеней—стяжаніе человѣкомъ полной благожелательности, что сказывается, какъ любовь къ врагамъ и совершенное отсутствіе зависти (ср. сл. 80, II, 333—334), и, главное, „совершенное освобожденіе отъ всѣхъ страстей и похотей мірскихъ и плотскихъ“ (сл. 87 II, 456; All. LXVI) и полная отданность Божественному (гл. 175, II, 565=Mg. 645 D). Кромѣ сихъ опосредствованныхъ способовъ—внѣшняго, изъ словъ духовнаго отца, и внутренняго, изъ сопоставленія наличнаго содержанія своего „я“ съ данными Св. Писанія ²⁾ — есть еще способъ прямого и непо-

¹⁾ Сл. 3-е, I, 32—43: „о томъ, что намъ надлежитъ испытать самихъ себя, имѣемъ ли мы блаженства Христовы, потому что онѣ (добродѣтели, ими указываемыя) суть знакъ печати (Христовой)“, см. Migne, 21 ог., 412 B—418 C; All. LXVII, Mg. 298 C; ср. Опт. изд. слово 5-е.

²⁾ Это тоже опосредствованный способъ самоудостоверенія, ибо здѣсь имѣютъ мѣсто сравненіе и умозаключеніе, т. е. рефлексія: мистикъ отъ зрѣнія въ себѣ добродѣтелей Христовыхъ заключаетъ, что имѣемый имъ мистическій опытъ—истиненъ.

средственнаго самоудостоверенія ¹⁾ подлинности мистическаго опыта, которое основывается на несомнѣнныхъ показаніяхъ внутренняго чувства и на голосѣ совѣсти (ср. сл. 45, I, 405, All. XLVII). „Въ сердцѣ нашемъ—пишетъ преп. Симеонъ—воображается Христосъ и не тѣлесно, а безтѣлесно и какъ подобаетъ Богу. Впрочемъ, какъ женщина, имѣющая во чревѣ, знаетъ о томъ ясно, такъ какъ младенецъ во чревѣ ея дѣлаетъ нѣкоторыя движенія, и нельзя ей не знать, что имѣетъ плодъ во чревѣ: такъ и тотъ, кто имѣетъ вообразившимся въ себѣ Христа, знаетъ движенія Его и възгранія, то есть осіяніе и облистаніе Его, и видитъ внутри себя воображеніе Христа. Какъ въ зеркалѣ видится свѣтъ свѣтильника: такъ видится въ немъ Христосъ, однакожь не призрачно и не несущественно, каково то, что видится въ зеркалѣ, но въ немъ видится Христосъ, какъ свѣтъ, всушественно, невидимо видимымъ и недомыслимо постигаемымъ, во образѣ безобразномъ и въ видѣ безвидномъ“ (сл. 57, II, 59, LVI). Истинное переживаніе подлиннаго, т. е. Христова и во Христѣ, мистическаго опыта само, „ощутительно и осязательно“ (см. сл. 41, I, 343=All. LX), удостоверяетъ свою истинность, подлинность, „здравость“: „какъ можно то, что сокрыто и запечатано, что незримо и недовѣдомо для всѣхъ людей и что открывается только Духомъ Святымъ, и только такимъ образомъ будучи открываемо узнѣвается и познается нами, — какъ можно, пишетъ преп. Симеонъ, постигнуть это или познать посредствомъ ученія (научно), или даже помыслить о томъ тѣмъ, которые сами о себѣ говорятъ, что ни разу не ощутили присутствія Духа Святаго, и не знаютъ, что такое есть просвѣщеніе или осіяніе Его, коими свидѣлствуется обитаніе Его въ насъ? Какъ возможно понять сіе тѣмъ, которые ни разу не сознали въ себѣ никакихъ проявленій, которыя удостоверяли бы, что въ нихъ совершилось возрожденіе, возсозданіе, обновленіе и измѣненіе, бывающее отъ Духа Святаго“ (сл. 49-е, I, 446=Mg. 19 ог. 403 B); а въ другомъ мѣстѣ своихъ словъ

¹⁾ Ср. гл. 79-я, II, 332=Mg. 641—642 B: здѣсь констатируются два способа распознаванія святыхъ людей (=мистиковъ), а слѣд. и самопознанія,—1) „по плодамъ ихъ“, т. е. по добродѣтелямъ, въ чемъ руководитъ Св. Писаніе, и 2) „прямо, непосредственно, познавать ихъ“ (и себя), для чего особенно необходимо „имѣть очищеннымъ око души“.

преп. авторъ прибавляетъ: „удостовереніе въ дѣйственности спасенія одно — это духовное чувство благодати Всесвятаго Духа, даруемой отъ Бога ради вѣры духовной силѣ ума“ (сл. 51, I, 465=Mg. 2 ог. 329 D) ¹⁾. Но вотъ и первый, внѣшне-объективный способъ удостовѣренія (черезъ духовнаго отца и черезъ Св. Писаніе), и второй—внутренне-субъективный—могутъ оказаться недостаточными, дающими мѣсто сомнѣніямъ и недоумѣніямъ, ибо въ первомъ центр тяжести удостовѣренія полагается, какъ-никакъ, вовнѣ, въ авторитетѣ старца или Писанія, а во второмъ, наоборотъ, всецѣло внутри, въ самомъ субъектѣ, откуда, могутъ возникнуть справедливыя упреки въ субъективизмѣ и явиться справедливыя сомнѣнія въ истинности. Выходъ изъ такого затруднительнаго положенія мистикъ находитъ въ послѣднемъ, уже не допускающемъ сомнѣній и колебаній, способѣ удостовѣренія—способѣ внутренне-объективномъ, черезъ засвидѣтельствованіе Самого, зримаго въ мистическомъ воспріятіи, Высочайшаго Объекта: „съ сего времени, т. е. послѣ удостовѣренія отъ духовнаго отца, которое, вѣдь, нераздѣльно съ самостоятельнымъ углубленіемъ мистика въ Св. Писаніе,—болѣе и болѣе очищается онъ (т. е. мистикъ) и, очищаясь, пріемлетъ дерзновеніе и спрашиваетъ Самого Явившагося, говоря: Ты — Богъ мой? Тотъ отвѣчаетъ: Я — Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ для тебя, чтобы и тебя сдѣлать богомъ,—и вотъ, какъ видишь, сдѣлалъ и буду дѣлать“ (сл. 63, II, 118) ²⁾.

Вотъ всѣ способы удостовѣренія мистика въ томъ, что его мистическій опытъ—истиненъ, что онъ „здоровъ духовно“: 1) внѣшне-опосредствованный, черезъ духовнаго отца; 2) внутренне-опосредствованный, черезъ сопоставленіе главнымъ образомъ направленія своей воли съ указаніями Св. Писанія; 3) субъективно-непосредственный, основывающійся на свидѣтельствѣ внутреннего чувства мистика, и 4) объективно-непосредственный, непоколебимо утверждающійся на

¹⁾ Ср. сл. 16, I, 157=Mg. 17 ог. 396 BC и сл. 17, I, 161—162=Mg. 12 ог. 371 BC: наличность сосредоточенной и благоговѣйной молитвы служить еще важнымъ признакомъ „здоровости“ мистическаго опыта; еще — зрѣніе простоты и свѣтлости своего ума, ср. сл. 59, II, 69, All. XXXIII, безстрастіе его, ср. сл. 3, I, 37=Mg. 21 ог. 415 A.

²⁾ Ср. сл. 90-е, II, 487, All. XXXV; сл. 91-е, II, 499=Mg. div. am. cap. XL, 599 D—600 B, All. LXXXVI и др. мѣста; см. *Holl*, s. 40.

свидѣтельствъ Самого зримаго Объекта. — Всѣ эти четыре важнѣйшіе момента въ процессѣ самоудовѣренія мистика преп. Симеонъ прекрасно отдѣляетъ въ своемъ словѣ „о томъ, что опасно для души скрывать талантъ, или данную отъ Бога благодать...“ (у еп. Теофана слово 89, II, 470 и сл., All. XXXIV ¹⁾): „когда одинъ духоносный человѣкъ, пишетъ св. отецъ, извѣстилъ меня писаніемъ, что въ одномъ мѣстѣ находится сокровенное сокровище Божественныхъ Писаній, то я не побѣдился подняться и пойти испытать и увидѣть, что тамъ такое, прося и *онаго святаго мужа быть мнѣ помощникомъ и содѣйствователемъ* (1-й моментъ). Для лучшаго успѣха я оставилъ всякое другое занятіе и дѣло относительно настоящей жизни, и *пошелъ на то мѣсто, гдѣ, какъ показалъ мнѣ Писаніемъ тотъ добрый человѣкъ, находится сокровище*,—и пришедши, началъ рыть землю, не переставая день и ночь и не жалѣя никакихъ трудовъ и потовъ. Такъ рылъ я и выбрасывалъ вонъ землю, все болѣе углубляясь, пока наконецъ начало показываться сокровище и издавать свѣтъ вмѣстѣ съ землею (2-й моментъ). Наконецъ послѣ того, какъ потрудился много времени, роя и выбрасывая землю, *увидѣлъ я все сокровище* простертымъ, какъ полагаю, чрезъ всю землю, безпримѣсное и чистое отъ всякаго засоренія и запятнанія. Съ тѣхъ поръ, *смотря на сіе сокровище, я непрестанно кричу тѣмъ, которые, не видѣвши, не вѣрують и потому не хотятъ копать и трудиться*, и говорю имъ такъ: *идите, смотрите всѣ, которые просто и прямо не вѣруете Писанію Божественному. И дѣлаю такъ, подражая премудрому Соломону, который говоритъ: нелестнѣ научихся, безъ зависти преподаю* (Прем. Солом. VII, 13). Слыша это и я кричу: идите, научитесь, что не только въ будущей жизни, но и теперь въ настоящей лежитъ предъ очами нашими, и предъ руками, и предъ ногами, неизреченное сокровище, которое выше есть всякаго начала и власти; идите увѣрьтесь и убѣдитесь, что это сокровище, о коемъ говорю вамъ, есть свѣтъ міра (3-й моментъ). — *И не самъ отъ себя я это говорю, но Само Сокровище Сіе, т. е.*

¹⁾ Ср. также II, 117—118, изъ слова 63-го, уже не разъ приводимаго нами: здѣсь тоже изображается весь процессъ удодовѣренія отъ старца и самоудовѣренія мистика.

Христось, сказалъ и говоритъ: „Я есмь воскресеніе и животъ ¹⁾); Я есмь сѣмя горчичное, скрываемое подъ землею; Я есмь камень драгоценный, который покупають вѣрные; Я есмь Царство Небесное, сокрытое внутри васъ. Какъ бываю Я видимъ теперь въ настоящей жизни тѣмъ, кои взыскали и обрѣли Меня, такъ и въ будущей жизни возсіяю въ нихъ и поверхъ ихъ всѣхъ, какъ сію теперь въ нихъ, будучи сокровень превыше всѣхъ небесъ. Я, будучи невмѣстимъ по естеству, бываю вмѣстимъ въ васъ въ настоящей жизни по благодати. Я невидимый бываю видимъ, являюсь не каковъ есмь, хотя и весь пребываю зримымъ, но сколько вмѣщаетъ естество и сила тѣхъ, кои видятъ меня. Я есмь закваска, и душа, которая приѣмлетъ Меня и влагаетъ въ три части свои, т. е. въ силы разумную, раздражительную и желательную, — вскисаетъ и дѣлается вся подобною Мнѣ; ибо что есть закваска, тѣмъ дѣлается и мука, которая смѣшивается съ нею вмѣстѣ съ водою и солию; вмѣстѣ со Мною Сыномъ есть и единосущный Мнѣ Отецъ и Его Утѣшитель, всесвятой Духъ,—и Они бывають для души, что вода и соль для муки. Я есмь для рабовъ моихъ мысленный рай, вмѣсто чувственнаго, и въ сей мысленный рай Я вселю всѣхъ, которые вѣруютъ въ Меня и возрождаются благодатию Святаго Духа, — каковыя не могутъ болѣе грѣшить, и князь міра сего діаволъ не имѣетъ надъ ними никакой власти и силы; ибо Я въ нихъ, и они во Мнѣ, и побѣждаютъ міръ, такъ какъ суть внѣ міра и имѣють съ собою Меня, сильнѣйшаго всяческихъ. Я ясмь свѣтовидный источникъ безсмертнаго потока и рѣки, въ каковомъ источникѣ моются водою, текущею изъ Меня, и очищаются душевно и тѣлесно отъ всякаго оскверненія, и начинаютъ сіять какъ свѣтила и какъ лучи солнца всѣ тѣ, которые любятъ Меня отъ всей души. Я есмь солище, мысленно зримое, и каждочасно восхожду, какъ солнце чувственное восходитъ утромъ, являя Себя достойнымъ, какъ прежде являлъ пророкамъ, которые, видя Меня, всегда славили и призывали, какъ говоритъ Давидъ: заутра услыши гласъ мой, заутра предстану Ти и узриши мя (Пс. V, 4),—и другой: тогда разверзется рано свѣтъ

¹⁾ Должно замѣтить, что курсивъ во всемъ этомъ текстѣ, отбѣняющій важнѣйшія для характеристики каждаго изъ 4-хъ моментовъ выраженія,—принадлежитъ намъ.

твой, и испѣленія твоя скоро возсіяютъ (Исх. LVIII, 8),— когда, т. е., исполнишь и ты заповѣди Мои „(—здѣсь дается 4-й моментъ) ¹⁾).

А пользуясь указанными методами провѣрки своего мистическаго опыта, осторожный, серьезный и искренній мистикъ всегда сумѣетъ провести необходимую грань между мистикой истинной и ложной, безошибочно отличить истинное, подлинное мистическое воспріятіе, какъ плодъ живого благодатнаго воздѣйствія на душу, отъ ложнаго, т. е. мнимаго или искаженнаго, мистическаго воспріятія, какъ порожденія воображенія (не дисциплинированнаго или разстроенаго) или какъ продукта экстатического состоянія (именно состоянія экстаза натуральнаго или патологическаго).

Что касается установленія подлинности *мистическихъ видѣній и откровеній* ²⁾, то самое важное здѣсь — это интересъ къ духовному, вникновеніе въ Св. Писаніе и сознательное стремленіе согласовать волю свою съ заповѣдями Божиими, освободивъ ее отъ порабожденія страстями. „Чѣмъ душа занята и о чемъ разглагольствуютъ наяву,— пишетъ преп. Симеонъ,—о томъ мечтаетъ или философствуетъ она и во снѣ: или проведши весь день въ заботахъ о дѣлахъ человѣческихъ, объ нихъ же суетится она и въ сновидѣніяхъ, или поучавшись все время въ вещахъ Божественныхъ и небесныхъ, въ видѣніе ихъ входитъ и во время сна и умудряется видѣніями, по пророку: юноши ваши видѣнія узрять (Іоиль въ Д. А. II, 17). И не прельщается ложными сновидѣніями, но сновидитъ истинное и поучается откровеніями...“ (гл. 176-я, II, 565 — 566 = Mg. 651 D.).—„У тѣхъ только бываютъ истинныя во снѣ видѣнія

¹⁾ См. сл. 89. II, стр. 478—480.

²⁾ Ср. *Еп. Теофанъ*. Толкованіе 2 посл. ап. Павла къ Коринѣянамъ. М. 1882: г. 12, 1 — „*Видѣніе и откровеніе* здѣсь у апостола одну мысль содержатъ: откровеніе посредствомъ видѣнія. Откровеніе обнимаетъ все, что Богу угодно бываетъ открыть намъ. Бываетъ оно умно, когда въ умъ влагается вѣдѣніе; бываетъ внѣшно, когда Богъ или ангелъ является и сказываетъ нужное; но бываетъ и посредствомъ видѣній. Видѣніе или въ образахъ представляетъ духовное, каково, напримѣръ, видѣніе Іезекииля, Апокалипсиса, и требуетъ новаго откровенія въ умѣ, чтобы уразумѣть его; или оно есть видѣніе духовнаго міра въ его существенности, когда духъ человѣка необыкновеннымъ образомъ возьмется и вводится въ созерцаніе его, не въ образахъ, а какъ онъ есть. О такомъ видѣніи и рассказываетъ здѣсь св. Павелъ“, стр. 358.

(ихъ не слѣдуетъ называть снами, а видѣніями),—которыхъ умъ благодатию Св. Духа сдѣлался простъ и свободенъ отъ всякаго давленія со стороны страстей и отъ рабства имъ, у которыхъ вся забота и попеченіе о Божественномъ и все помышленіе о будущихъ наградахъ...“ (гл. 178, II, 566—567, ср. гл. 177. II, 566 = Mg. 651 D.—652 D.). Но какъ страстное или безстрастное настроеніе души мистика отражается на характерѣ его сновидѣній и откровеній во снѣ, такъ же то или иное настроеніе души сказывается и въ характерѣ и достоинствѣ его мистическаго опыта въ бодрственномъ состояніи: мистикъ долженъ глубоко вникать въ себя, старательно изощрять свое духовное око въ различеніи помысловъ, быть бдительнымъ и покорнымъ старцу для того, чтобы не преткнуться въ своемъ мистическомъ опытѣ, не искушиться призрачными образами своего собственнаго, полоненнаго чувственностью, воображенія или злыми помыслами и ложными видѣніями, внушенными ему отъ діавола, дѣйствующаго, главнымъ образомъ, на гордость и тщеславіе подвижника: „... и болѣе почтенные предъ другими людьми,—пишетъ преп. отецъ,—неразумно полагають, будто тѣ мысли, какія они слагають въ умѣ своемъ, суть созерцанія такого же достоинства, какъ и тѣ, которыя подаются достойнымъ только чрезъ озареніе Духа Святаго... Другіе, опять безъ чистоты сердечной углубляясь умомъ своимъ въ тайны Бога и богословствуя, когда услышать о Богѣ, что какъ въ трехъ солнцахъ единое есть сіяніе свѣта, такъ и въ Пресвятой Троицѣ—едино сіяніе единого Божества, тотчасъ воображаютъ въ умѣ своемъ три солнца, соединенныя по свѣту, т. е. по существу, и раздѣленныя по чинамъ, и полагають немисленно, что они видятъ такъ Самое Божество, и что святая, единосущная и нераздѣльная Троица полно выражается симъ уподобленіемъ“ (сл. 80, II, 329 = All. LV). Въ другомъ мѣстѣ слова преп. Симеона мы читаемъ: „какъ же заболѣваетъ и страдаетъ душа? Отъ измѣненія ея помысловъ и стремленій, когда, будучи умною силою, устремляется она къ безсловеснымъ пожеланіямъ и неразумному гнѣву. Это же отъ чего бываетъ? Это бываетъ отъ сторонняго вліянія. Есть иныя мысленныя силы, демоны, которые мысленно приближаются къ душѣ и искушаютъ ее, возмущая ея естественныя движенія: ибо она всегда находится въ движеніи, будучи по естеству приснодвижна. Такъ, когда

душа хочетъ зрѣть право, демоны наводятъ нѣкій мысленный мракъ и мѣшаютъ ей зрѣть право и непогрѣшительно, но призраки и фантазіи заставляютъ принимать за истину...“ (сл. 24, I, 220 = Mg. 10 orat., 364, B). Но для стяжанія истинныхъ, а не ложныхъ мистическихъ видѣній и откровеній особенно необходимо подвижающемуся хранить смиреніе, братолюбіе и послушаніе своему опытному старцу и тщательно избѣгать неразумнаго киченія своими духовными успѣхами, опасной (въ особенности на первыхъ стадіяхъ подвига) отъединенности и гордаго самочинія; именно послѣднія настроенія неуклонно ведутъ подвижника къ духовнымъ потрясеніямъ и даже катастрофамъ. Преп. Симеонъ свидѣтельствуешь, что если кто останавливается на одномъ первомъ (изъ трехъ указанныхъ) образѣ вниманія и молитвы, то бываетъ вотъ что: „мало-по-малу молящійся такъ начинаетъ кичиться въ сердцѣ своемъ, самъ того не понимая; ему кажется, что дѣлаемое имъ есть отъ благодати Божіей въ утѣшеніе ему, и онъ молить Бога сподобить его всегда пребывать въ такомъ дѣланіи... Если онъ убезмолвится крайнимъ безмолвіемъ..., то ему едва ли можно не изступитъ изъ ума. Но если и случится, что не изступитъ онъ изъ ума, все же невозможно ему будетъ стяжать добродѣтели или безстрастіе. На этомъ пути стоя, прельщаются и тѣ, которые видятъ свѣтъ тѣлесными очами своими, обоняютъ благовонія обоняніемъ своимъ, слышатъ гласы ушами своими, и подобное. Нѣкоторые изъ такихъ възбѣсновались и въ безумія ходятъ съ мѣста на мѣсто. Другіе прельстились, принявъ діавола, преобразившагося и явившагося имъ въ видѣ ангела свѣта, а они того не распознали, и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совѣта ни отъ какого брата. Иные изъ такихъ сами себя лишили жизни, бывъ подвигнуты на то діаволомъ; иные бросились въ пропасть; иные удавились. И кто можетъ пересказать разныя прелести, какими прельщаетъ ихъ дьяволъ, когда онѣ неисчислимы“... (сл. 68, II, 180—181=Mg. 702 B—703 A).

Такимъ образомъ, преп. Симеонъ старательно отличаетъ и разграничиваетъ истинныя видѣнія и откровенія отъ порожденій воображенія и привидѣній бѣсовскихъ, т. е. отъ „визіонерства“. Здѣсь можно привести пояснительныя по сему поводу замѣчанія еп. Теофана Затворника изъ его „Писемъ о духовной жизни“, М. 1897: „въ естественномъ порядкѣ,

или строѣ нашихъ силъ, на переходѣ отвнѣ внутрь, стоятъ воображеніе. Надо благополучно миновать его, чтобы благополучно попасть на настоящее мѣсто внутри. По неосторожности, можно застрять на немъ и, оставаясь тамъ, быть увѣренными, что вошли внутрь, тогда какъ это только внѣшнее преддверіе, „дворъ языковъ“. Да это бы еще ничего, но этому состоянію всегда почти сопутствуетъ самопрельщеніе, а изъ него развивается визионерство, съ его пагубными послѣдствіями... визионерство, и какъ естественная болѣзнь душевная, и болѣе того, какъ дѣло врага, который не дремлетъ“ (стр. 141—142; 145—147) ¹⁾.

¹⁾ Ср. *Еп. Теофанъ*. „Начертаніе христ. нравоуч.“ 1895 г., стр. 391—392. Здѣсь же будетъ уместно привести нѣкоторыя данныя о видѣніяхъ и откровеніяхъ, особенно объ отличеніи истинно-божественныхъ видѣній отъ ложныхъ. *) изъ книги *Dr. Josef Zahn. Einführung in die christliche Mystik*, Paderborn, 1908, ss. 508—556. Можно различать три способа откровеній и видѣній—1) *внѣшнія*, какъ бы тѣлесныя явленія, сопровождаемыя и словесными откровеніями, напр. видѣніе купины, ангела Товитомъ, ап. Павла на пути въ Дамаскъ; 2) откровенія при помощи *воображенія*, какъ видѣнія въ образахъ, и при нихъ словесныя внушенія, напр. видѣнія Даниила, Іезекіиля, ап. Петра въ Іупіи и др., сны Іосифа и волхвовъ; такія откровенія чаще всего бываютъ во время вѣщихъ сновъ, и здѣсь нужна особенная осторожность, чтобы не впасть въ ошибку, ибо эта группа особенно близка къ міру феноменальному; 3) *чисто-интеллектуальныя* откровенія и видѣнія, получаемыя чисто-духовнымъ путемъ, безъ участія внѣшнихъ чувствъ и фантазіи. Вообще же трудно точно установить чисто-интеллектуальный характеръ видѣній, равно и отграничить видѣнія воплощенныя, „тѣлесныя“, отъ видѣній лишь воображаемыхъ. Кромѣ такого раздѣленія видѣній, можно привести еще другія, напр., видѣнія не только зримыя, но и разумѣваемыя, и видѣнія лишь зримыя, по еще не понимаемыя и требующія дальнѣйшихъ откровенныхъ поясненій (ср. выше у еп. Теофана); или откровенія, свидѣтельствующія истину вообще и лишь выполняющія определенное частное порученіе; имѣющія значеніе лишь для самого тайнозрителя и назначенныя и для прочихъ людей, и т. п. Въ зависимости отъ этого устанавливаются и различіе терминовъ: такъ одни вполне отождествляютъ Vision и Erscheinung, а другіе первый терминъ относятъ къ области воображаемыхъ и чисто-интеллектуальныхъ явленій, а Erscheinung употребляютъ лишь тогда, когда есть налицо что-либо реально-зримое; также подъ Schauung понимаютъ живое откровенное знаніе, а подъ Offenba-

*) Ср. еще о видѣніяхъ—*Гегфдингъ*, Философія религіи. СМБ. 1905, стр. 165—видѣнія, какъ галлюцинаціи; *Лодыженскій*. Сверхсознаніе и пути къ его достиженію. СМБ. 1911—видѣнія стр. 105 и сл.; видѣнія отъ діавола, стр. 119; духовныя видѣнія, стр. 375 и сл.

Отъ видѣній и откровеній естественный переходъ къ состоянію религіознаго экстаза, тѣснѣйшимъ образомъ съ

gung—новое откровенное знаніе; или „откровеніе“ прилагаютъ къ открывающему Себя Богу, а „видѣніе“ къ получающему откровеніе человѣку и т. д. Важный вопросъ: какъ объяснить самозаблужденія и ошибки визионеровъ-мистиковъ? Конечно, ошибки эти нельзя ставить въ упрекъ Богу, Который, не насилуя свободы людей, мудро предоставилъ имъ различныя ступени духовнаго знанія, а должно искать ихъ причины, главнымъ образомъ, въ личностяхъ визионеровъ, въ неправильныхъ дѣйствіяхъ ихъ памяти и воображенія, и во вліяніяхъ окружающей среды, господствующихъ понятій и взглядовъ, гдѣ человѣческое незамѣтно вплетается (*sich verwebt*) въ Божественное. Подлинность истинныхъ „видѣній“, отличныхъ отъ ложныхъ иллюзій и галлюцинацій, можно устанавливать съ различныхъ сторонъ: 1) со стороны *содержанія* откровеній, которыя не должны быть незначительными, чисто-мірскаго содержанія, не должны стремиться къ суетной чудесности и противорѣчить нравственнымъ основамъ; 2) со стороны *лицъ*, которыя должны показать свою христіанскую добродѣтель, въ обстановкѣ общей и обычной христіанской жизни, быть смиренными, не уклоняться отъ самоислѣдованія, провѣрки своего опыта авторитетами другихъ и, главн. образомъ, авторитетомъ Церкви, и не должны усиленно стремиться и добиваться такихъ откровеній; 3) со стороны той *обстановки*, среди которой эти откровенія получаются: такъ, не могутъ быть признаны истинными тѣ откровенія или видѣнія, которыя получаются среди искривленныхъ тѣлодвиженій, излагаются безсвязною рѣчью, пренебрегаютъ размышленіемъ, осторожностью и нравственнымъ достоинствомъ и, наконецъ, 4) со стороны протекающихъ изъ нихъ *послѣдствій*, именно: подлинно-божественныя откровенія не могутъ вести къ фанатизму, а лишь къ героизму, не могутъ вести къ превозношенію и раздорамъ, а лишь къ смиренію и кротости, не могутъ вести къ нравственной отсталости или физическому умаленію, а лишь къ духовному возрастанію и тѣлесному укрѣпленію. Указываютъ еще, кромѣ этихъ признаковъ, болѣе отрицательнаго характера, и прямо-положительныя основанія за подлинную сверхчувственность и истинное достоинство мистическихъ откровеній, именно вотъ признаки „добраго духа“—почитать Бога, держать правильную вѣру и во всемъ хранить умѣренность, чему противоположны—самовосхваленіе, невѣріе и невоздержанность. Однимъ словомъ,—чѣмъ чище, смиреннѣе и простодушнѣе душа человѣка-визионера; чѣмъ меньше она гонится за сверхъестественнымъ; чѣмъ лучше она выдерживаетъ испытанія на обыкновенныхъ путяхъ жизни; чѣмъ больше она также, по вкуненіи необычныхъ откровеній, пребываетъ въ смиреніи и вѣрности долгу; чѣмъ болѣе преуспѣваетъ она въ мужествѣ и въ геройской силѣ, въ дѣятельности и терпѣніи; чѣмъ дальше, при помощи этихъ видѣній и откровеній полученное, теоретическое и практическое разумѣніе переходитъ предѣлы личныхъ особенностей и вліяній образованія...; чѣмъ содержательнѣе и многостороннѣе то благотворное вліяніе, которое происходитъ отъ сверхчувственныхъ переживаній какъ для отдѣльной души, такъ и

ними связанному: дѣло въ томъ, что одни изслѣдователи (напр. *Монтегаци*, Экстазы человека, 1890, стр. 138 и слѣд.) видятъ въ откровеніяхъ и видѣніяхъ одинъ изъ различныхъ моментовъ характерныхъ элементовъ религіознаго экстаза, или одну изъ ступеней лѣстницы, ведущей къ экстазу (ibid., стр. 20); другіе усматриваютъ въ нихъ, въ извѣстномъ смысле высшую степень самаго экстаза (ср. *Beck*. Die Ekstase S. 46 ff.) и третіе, указывая на тѣсную связь экстаза съ созерцаніемъ, трактуютъ экстазъ, какъ соединительное звено между „созерцаніемъ“ и „видѣніемъ“ (*Zahn*. Einführung in die chrst. Mystik, S. 462 ff.). Прежде, чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію самаго вопроса объ отношеніи мистическаго ученія преп. Симеона къ экстазу, попытаемся дать самое краткое изложеніе положительнаго философско-богословскаго ученія о сущности религіознаго экстаза, что, по нашему разумѣнію, необходимо, ибо вопросъ объ экстазѣ и самый непрясленный, и самый существенный для апологета православной мистики.

Экстазъ ²⁾ или „ужасъ“, изумленіе—такое состояніе, когда „человѣкъ не владѣетъ своими чувствами, будучи восхищенъ въ міръ духовный“ (бл. Теофилактъ); душа какъ бы „выступаетъ“ изъ тѣла, и человѣкъ впадаетъ въ то состояніе, о которомъ говорили переживавшіе его пророки „бысть на мнѣ

для внутренняго устроенія другихъ душъ, для роста Царства Божія, — тѣмъ достовѣрнѣе можетъ быть высказанъ приговоръ отдѣльнымъ лицамъ о сверхъестественной причинности тѣхъ благодатныхъ откровеній, причѣмъ послѣднее, окончательное рѣшеніе вопроса предоставляется Церкви, разъ церковный авторитетъ почтетъ за благо произвести изслѣдованіе чрезъ свои установленные органы“ (S. 556).

¹⁾ Ср. *Beck*. Die Ekstase...: высшая ступень экстаза отличается отъ видѣній—видѣній можно называть экстазами лишь постольку, поскольку съ извѣстными зрительными и слуховыми образами, кои сами-то по себѣ суть нѣчто неэкстастическое,—соединяются опредѣленныя страсти или сильныя аффекты. Если эти образы выступаютъ на первый планъ, это знакъ, что визионеръ переживаетъ не высшую ступень экстаза. S. 46—47.

²⁾ Говоря здѣсь объ экстазѣ, мы говоримъ, собственно, не объ экстазѣ вообще, а именно о религіозномъ экстазѣ, и дѣлаемъ это вполне сознательно, ибо, по нашему убѣжденію, религіозный экстазъ, взятый въ своей совершеннѣйшей формѣ, есть самый интенсивный, самый полный (цѣлостный) и самый возвышенный изъ всѣхъ экстазовъ: въдѣ, объектъ его есть Богъ—полнота истины, добра и красоты. Ср. *Монтегаци*. Экстазы человѣка. СПб. 1890 г., I стр. 27—28; 29; 198 и II ч. стр. 130—131.

рука Господня“ (Иезек. VIII, 3) и „быхъ азъ въ дусъ“ (Апок. I, 10). Итакъ, дѣйствительная сущность экстаза есть чрезвычайное, сверхъестественное внутреннее восхищеніе человѣка; это—самая существенная и характерная черта его, изъ которой, какъ слѣдствіе сверхъобычнаго духовнаго подъема, вытекаетъ вторая черта—„замиреніе“, или остановка чувствъ, главн. обр., внѣшнихъ чувствъ, могущая имѣть и различную интенсивность, и различную продолжительность; наконецъ, третья черта экстаза—его неизреченность, полная непостижимость для обыденнаго сознанія главнѣйшимъ образомъ того, какъ въ этомъ высокомъ духовномъ подъемѣ принимаетъ участіе тѣлесная сторона человѣка, т. е. какъ бы нарушеніе обычнаго для настоящей земной жизни человѣка психофизическаго параллелизма ¹⁾).

¹⁾ При изложеніи ученія о религіозномъ экстазѣ мы придерживались гл. обр. книги проф. Цана: *Zahn. Einführung in die christliche Mystik*, Paderborn, 1908, ss. 462—486 и сл. Можно еще указать на опредѣленіе мистическаго экстаза у *Eisler'a*. *Wörterbuch der philosophischen Begriffe*, Berlin 1904, I, ss. 245—246. Кромѣ того, мы пользовались здѣсь сочиненіями *Монтегацца* (русс. пер. 1890 г.), *Leuba* (1902) и *Beck* (1906) *). Послѣдній въ своей книгѣ „*Die Ekstase*“, 1906 г., даетъ такое изображеніе сущности экстаза вообще и религіознаго экстаза въ частности: „подъ экстазомъ я разумѣю, пишетъ онъ, рядъ сосуществующихъ состояній сознанія, раз-

*) Еще объ экстазѣ, преимущественно религіозномъ, см. *Гейфдингъ*. *Философія религій*, стр. 292; *Рибо*. *Психологія чувства*, изд. русс. перев. 1898 г., стр. 351—352; *Дю-Прель*. *Философія мистики или двойственность челов. существа*. СПб. 1895 г., какъ можно объяснить самозабвеніе въ экстазѣ?—стр. 461—464, стр. 477;—*Вл. Соловьевъ*, соч. изд. 1, т. I, стр. 284: ложный мистицизмъ и сліяніе въ экстазѣ; *В. Джемсъ*. *Многообразіе религ. опыта*. Москва, 1910: религ. экстазъ, 20—21, стр. 241 и стр. 376—387; состояніе восторга, *raptus* 401—402; *его же*: Зависимость вѣры отъ воли, СПб. 1904 стр. стр. 155—характеръ экстатического единенія и 338—342—опьяненіе отъ закиси азота, какъ видъ экстатического состоянія; *Лодыженскій*. *Сверхсознаніе* СПб. 1911: экстазъ, стр. 142 и сл.; изступленіе, стр. 339 и сл.; 366—370 и *его же*: Свѣтъ незримый. СПб. 1912—состояніе экстаза, 80, 120; 193 и сл.—описаніе экстаза у Симеона Н. Б. и отличіе православнаго экстаза отъ экстаза Плотина 208—209; *П. Мининъ*. *Мистицизмъ и его природа*. Сергіевъ Посадъ. 1913, стр. 5 и сл.: экстазъ, какъ центръ мистич. жизни; основныя черты экстаза стр. 29 и сл.; *К. Радченко*. *Религ. и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ*. Кіевъ. 1898 г. стр. 77: Григорій Синаитъ объ экстазѣ и св. Палама, стр. 115 и сл.—*Геро́м. Теодоро́въ*. *Аскетич. воззрѣнія преп. І. Кассіана*. Казань. 1902 г., стр. 332; *Deutsch*, R. E. 634, и др.

Такимъ образомъ, въ состояніи релігiознаго экстаза намѣчаются три момента, которые болѣе подробно можно охарактеризовать въ такихъ чертахъ: 1) постепенное отдѣленіе отъ окружающей обстановки чувственного міра опредѣлится, какъ постепенное освобожденіе отъ подчиненія категоріямъ пространства и времени, кои, какъ извѣстно, подчиняють себя весь чувственный опытъ, при чемъ пространство является,

личныхъ по качеству и интенсивности". Общій признакъ—отсутствіе противоположенія „я“ и „не я“, „я“ и „внѣшняго міра“, субъекта и объекта, живая тождественность послѣднихъ. Главнѣйшіе признаки экстаза: 1) исчезновеніе самосознанія; 2) утрата сознанія времени и пространства и 3) отсутствіе всякихъ представленій и понятій, а слѣд. и невозможность адекватнаго изображенія экстаза словами. Эти отрицательные признаки экстаза дополняются чрезъ указаніе на сродныя съ экстазомъ состоянія. Это, съ одной стороны,—безсознательность, лишеніе сознанія: хотя сознаніе вообще и сознаніе объ „я“ и „внѣшнемъ мірѣ“ очень близки, но экстазъ не есть безсознательность; съ другой стороны, экстатическое состояніе граничитъ съ сильными аффектами, какъ бѣшенство, ярость, паника, сладострастіе и т. п., и съ душевными состояніями, которыя мы называемъ „данными настроеніями“. Гдѣ господствуютъ представленія, тамъ состояніе дальше отъ экстаза. Для того, чтобы вѣрно понять описаніе экстатического состоянія, необходимо самому хоть отчасти пережить что-либо подобное. См. сс. 26—28 и сл. до с. 82, и далѣе отъ 83 до 144.—Главная суть релігiознаго экстаза не представленія и понятія, которыя суть лишь оболочка, а внутреннее зерно—слиянiе „я“ и „внѣшняго міра“, субъекта и объекта въ чувствѣ безконечнаго. Это состояніе слиянія „я“ и „внѣшняго міра“ можетъ имѣть различную степень интенсивности, а интенсивность мѣрится отношеніемъ сверхсознанія къ чувственному сознанію; здѣсь намѣчается пять ступеней: средняя, именно—ихъ равенство; на 2-хъ высшихъ ступеняхъ превышаетъ сверхсознаніе, а на 2-хъ послѣднихъ—чувственное сознаніе. Такимъ образомъ, мы имѣемъ слѣдующіе моменты релігiознаго сознанія: 1) созерцаніе Бога, экстазъ въ собственномъ смыслѣ слова,—полное уничтоженіе личности, близкое къ отсутствію сознанія; 2) любовь къ Богу и сознаніе полной безцѣнности временнаго и земнаго, гдѣ есть лишь понятіе отождествленія „я“ и „внѣшняго міра“, но нѣтъ полного слиянія; 3) миръ въ Богѣ—какъ бы равенство въ сознаніи себя и сотвореннаго Богомъ міра, но не отождествленіе; 4) вѣра (въ смыслѣ довѣрія) въ Бога, какъ низшая ступень, ибо полагаетъ уже отдѣленіе личности отъ Бога, единеніе съ Богомъ здѣсь уже не самоцѣль, истинная же подпочва отношеній „я“ и „внѣшняго міра“ здѣсь—интересы временныя; наконецъ 5) понятія Провидѣнія и Промысла, гдѣ полное отдѣленіе личности отъ Бога—міра, и гдѣ самая малая степень экстатичности. Но, принимая во вниманіе ученіе Бекка объ экстазѣ, слѣдуетъ пояснить, что его взгляды пропитаны эволюціонизмомъ и пантеизмомъ, что увидимъ мы еще ниже.

вѣдь, формой для всего чувственного внѣшняго опыта, а время—и для внѣшняго, и для внутренняго чувственного опыта; 2) постепенное и прочное, до поглощенности, сосредоточеніе мысли на идеяхъ духовнаго міра, съ постепеннымъ ослабленіемъ внѣшнихъ чувствъ, впечатлѣній и образовъ, и внутреннихъ чувствованій, и съ усиленіемъ аффективной стороны душевной жизни (въ постоянной связи съ идеей Бога),—приводить мистика-экстатика къ блаженному состоянію „умиротворенія“ мысли, ея живой цѣлостности, каковое состояніе, для земной суетной жизни столь необычное, экстатикъ и характеризуетъ, какъ высшее обычныхъ представленій и понятій и, потому, какъ бы исключжающее ихъ, „неизреченное“, что вполнѣ понятно, ибо нашъ языкъ служить, главнымъ образомъ, для изображенія внѣшняго чувственного міра и отношеній къ нему нашего „я“ и, какъ мало приспособленный и разработанный въ этомъ отношеніи, является недостаточнымъ для изображенія высшихъ духовныхъ состояній; 3) наконецъ, самый главный и основной элементъ религіознаго экстаза—чрезвычайное восхищеніе духа человѣка въ міръ „иной“, которое раскрывается, какъ „соединеніе съ Богомъ и блаженное въ Немъ пребываніе“, и въ которомъ гармонически объединяются три основныя тенденціи ¹⁾—1) достиженіе въ созерцаніи высочайшаго наслажденія, своей цѣлостностью, интенсивностью, нѣжностью и непосредственностью напоминающаго проявленія высочайшей половой любви; 2) обрѣтеніе въ Богѣ прочной опоры, благостной помощи и тихаго успокоенія и, наконецъ, 3) стремленіе, соединившись съ Богомъ, посильно уподобиться Ему, достигнуть святости, преобразовать свою душу и всю свою жизнь въ соотвѣтствіи съ Божьей волей.—Здѣсь можно замѣтить, что въ такомъ порядкѣ можно расположить составляющіе экстазъ элементы, если разсматривать его, какъ процессъ; если же взять

¹⁾ См. *Leuba* статья въ *Revue philosophique* 1902, LIV, p. 459—487: его ученіе объ основныхъ тенденціяхъ въ религіозномъ экстазѣ. Леуба отмѣчаетъ четыре тенденціи—1) тенденцію къ органическому наслажденію; 2) тенденцію къ умиротворенію мысли чрезъ объединеніе или редукцію; 3) тенденцію къ отысканію аффективной опоры и 4) тенденцію къ универсализаціи воли или реорганизаціи души въ соотвѣтствіи съ волей Божіей. Удовлетвореніе первой тенденціи даетъ наслажденіе, второй—миръ, третьей—силу довѣрія, а четвертой—двойной миръ отъ чувства облагороженія, отъ радостнаго сознанія исполненнаго нравственнаго долга, — p. 484.

экстазъ въ состояніи полнаго его раскрытія, то различаемые въ немъ моменты расположатся, какъ уже указали мы выше, слѣдующимъ образомъ, въ зависимости отъ важности момента и вліянія его на другіе: духовное восхищеніе, освобожденіе отъ чувственнаго міра и неизреченность. Религіозный экстазъ имѣетъ весьма важное, можно сказать—главенствующее значеніе въ области христіанской мистики и, затѣмъ, христіанской религіи вообще ¹⁾, ибо мистика—сердце религіи: „экстазъ—говоритъ одинъ изслѣдователь—резюмируетъ въ себѣ всю религіозную мистику, и мы даже утверждаемъ, что изслѣдованіе о христіанскомъ мистицизмѣ есть, въ общихъ чертахъ,—этюдь о христіанской религіи вообще“ ²⁾. Можно различить три вида религіознаго экстаза (какъ и экстаза вообще): 1) натуральный, или природный, возбуждаемый въ душѣ человѣка особымъ дѣйствіемъ на нее естественныхъ причинъ, напр. вліяніе красотъ природы, величіе человѣческой исторіи или отдѣльной человѣческой личности, вліяніе музыки, ритма и т. п.; 2) патологическій или болѣзненный, возникающій при ненормальныхъ условіяхъ психофизической жизни человѣка, на примѣръ, на почвѣ истеріи или гипноза, или вызываемый, на примѣръ, какими-либо искусственными средствами — наркотическими ядами, священными дикими танцами, спеціальной музыкой и т. п.; и 3) благодатный,

¹⁾ Ср. *Beck* (*Die Ekstase*, 82), между прочимъ, говоритъ, что то новое и важнѣйшее, чѣмъ высшія религіи—христіанство, исламъ и буддизмъ—отличаются отъ древнѣйшихъ религій, покоящихся на міеологіи и культѣ, и есть экстатические моменты въ нихъ.

²⁾ Ср. *Leuba* (уже цитов. статья, р. 489—486): вѣдь, въ христіанской религіи также замѣчается стремленіе сосредоточить свою мысль на идеѣ Бога для освобожденія отъ власти міра, замѣчается такое же оцѣнивающее дѣйствіе моноидеизма: душа входитъ въ самое себя и обрѣтаетъ вождельный миръ и т. п.; но все это съ меньшей интенсивностью, чѣмъ въ состояніи экстаза. Вообще, „религіозное состояніе, говоритъ *Leuba*,—по преимуществу есть, согласно мистикамъ, любовный трансъ (*une transe amoureuse*), проникнутый господствующей идеей Бога—Святости (*dominée par idée tendancielle Dieu—Sainteté*, р. 486). Общечеловѣческая мудрость видитъ въ религіи, а слѣд. и въ мистицизмѣ, одно изъ величайшихъ средствъ къ тому, чтобы давать торжество самымъ для человѣческаго сердца дорогимъ желаніямъ, и, съ точки зрѣнія мотивовъ, „религія христіанская, слѣд. и христіанскій мистицизмъ, есть нѣчто совершенно рациональное“ (*parfaitement rationnel*, р. 486), а не трансцендентное (слѣдуетъ замѣтить, что послѣдній приговоръ весьма характеренъ для французскаго изслѣдователя).

сверхъестественный, который есть духовно-цѣнное и духовно-здоровое явленіе, имѣющее аналогіи въ области здоровой, но повышенной духовной жизни, и который создается творческимъ дѣйствіемъ Божественной благодати на человека, въ частности на его природный экстазъ: послѣдній служитъ для благодати пріемникомъ, орудіемъ, и чрезъ нее возвышается, усовершеншается и преображается ¹⁾. Здѣсь можно

¹⁾ Признаніе благодатнаго экстаза, сверхъестественной въ немъ стихіи,—есть отличительный признакъ церковной, православной мистики. Сторонники научнаго эволюціонизма стараются все явленія въ мистическомъ экстазѣ объяснить изъ чисто естественной, природной основы безъ участія всякаго трансцендентнаго фактора: мы уже видѣли подобную тенденцію у Леуба. То же находимъ и у Бекка (цитов. соч. s. 49—50): по его теоріи экстазъ вообще есть возвращеніе, ниспаденіе въ то первоначальное состояніе сознанія, въ то „досознаніе“, которое предшествовало дифференціаціи въ современномъ человѣческомъ сознаніи „я“ и „внѣшній міръ“. Это цѣлостное состояніе сознанія исчезло, уступая натиску разумной обдуманности и подражанія,—какъ древній материкъ скрывается подъ волнами моря; и какъ изъ моря выдаются острова—вершины прежнихъ горъ, такъ и теперь, среди моря нравовъ и разума, возможны прежнія инстинктивные состоянія человѣка-животнаго, прорываются, въ минуту наибольшаго напряженія борьбы за существованіе, экстатические аффекты въ борьбѣ, въ страсти, въ паникѣ и т. п. Мистики — это водолазы, опускающіеся въ глубину на морское дно (экстазъ), которое имѣетъ съ выдающимися на поверхность островами природную связь; но, какъ острова не суть вполнѣ прежнія горныя вершины, а измѣнены дѣйствіемъ моря, такъ и аффекты не суть самый экстазъ, а лишь родственны ему. Ср. также ss. 65—66. Къ такой же категоріи авторовъ изслѣдованій о природѣ экстаза слѣдуетъ, полагая, отнести и проф. *Ив. Ив. Лапшина* съ его взглядами на суть экстатического состоянія, высказанными въ брошюрѣ „Вселенское чувство“, изд. Вольфа, Спб. 1911 г.: по мнѣнію проф. Лапшина, у мистицизма есть лишь „иллюзорное познаніе“, которымъ онъ претендуетъ замѣнить рациональное познаніе, и „мистическое воспріятіе, которымъ такъ дорожатъ мистики, есть душевное состояніе, лишь родственное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайно важнымъ, человѣчески значительнымъ психическимъ процессомъ интеллектуальнаго и аффективнаго порядка“ (29—30 стр.), именно—„если попытаться перевести темную рѣчь мистиковъ на общепонятный философскій языкъ и для этой цѣли придать тѣмъ отрицательнымъ признакамъ „мистическаго“ воспріятія, которые выставляются мистиками, не абсолютное, а относительное значеніе..., то описываемое ими душевное состояніе (т. е. экстазъ) окажется сходнымъ съ психическимъ явленіемъ, которое можно назвать, по примѣру Дюринга, „универсальнымъ аффектомъ“ или „вселенскимъ чувствомъ“, и заключающимъ въ себѣ слѣдующіе признаки: 1) мысль о наивысшихъ цѣнностяхъ, имѣющихъ постоянное значеніе для меня и для всѣхъ остальныхъ

допустить гармоническое соединеніе натурального и сверхъестественнаго момента въ экстазѣ: ихъ связываетъ единство сознанія экстастика. Съ признаніемъ этой гармоніи соединенія двухъ факторовъ разрѣшается и трудная проблема о томъ, остается ли у экстастика свобода и возможность нравственной заслуги: здѣсь самымъ настоящимъ образомъ предполагается и свобода, и нравственная вмѣняемость, ибо благодать, дѣйствуя въ экстазѣ, прежде всего направляетъ, возвышаетъ и восполняетъ естественныя силы чловѣка, осуществляя законъ духовной жизни, гласящій, что „сверхънатуральное строится на натуральномъ“. Мало того: лишь признаніе этой свободы и отвѣтственности даетъ возможность отличить истинный, святой и благодатный экстазъ, какъ святое всецѣлое единеніе съ Богомъ, — отъ сходныхъ съ нимъ состояній самообольщеннаго фанатизма или болѣзненной экзальтаціи, — отъ экстаза только природнаго и отъ экстаза патологическаго. Кромѣ этихъ, есть еще и другіе, какъ положительные, такъ и отрицательные признаки и критеріи для установленія этого важнаго въ области мистики разграниченія и его провѣрки ¹⁾. И вотъ, въ виду, во-пер-

ныхъ людей, а также и другихъ живыхъ существъ.... 2) конкретное содержаніе сознанія въ видѣ представленій, иллюстрирующихъ эту мысль...; 3) чувство блаженства, радости, восхищенія...; 4) самозабвеніе, поглощенность вниманія созерцаемымъ образомъ...; 5) мысленная, а не фактическая отрѣшенность отъ данныхъ условій пространства и времени...; 6) чувство мощи... и 7) чувство гармоническаго покоя... (см. 31—34 стр.).

¹⁾ Ср. Zahn. Einführung in die christl. Mystik, ss. 495—503: положенія, являющія несомнѣнные признаки *противъ* сверхъестественнаго характера экстаза: 1) наступленіе экстастическихъ феноменовъ у начинающихъ духовную жизнь, у которыхъ, какъ правило, нельзя ожидать сверхъприродныхъ мистическихъ оственій, тогда какъ обычная на этой начальной стадіи интенсивность душевной дѣятельности и непривычка къ должному различенію внутреннихъ состояній могутъ вести къ естественнымъ состояніямъ экзальтаціи и душевнаго утомленія; 2) частое повтореніе экстазовъ, особенно если они осуществляются на виду; 3) правильная періодичность, такъ какъ это обстоятельство обыкновенно ставитъ въ тѣснѣйшую связь съ патологическими расположеніями; 4) произвольность — въ томъ смыслѣ, что экстастикъ по своему желанію впадаетъ въ экстазъ и выходитъ изъ сего состоянія; 5) нескромность — будь то въ видѣ дикаго крика, бурныхъ конвульсій или въ нарушеніи приличія вообще; 6) уменьшеніе или обѣднѣніе внутренней жизни, напр. дѣятельность съ чисто—мірскими цѣлями или соединенная съ бессмысленными трудностями, тѣмъ болѣе—спутанность мыслей или вообще помраченіе духа, а также 7) полная внутренняя пустота, полнѣйшее

выхъ, того, что истинный эстазъ такъ легко смѣшать, при отсутствіи достаточной осмотрительности, съ ложнымъ; вторыхъ, того, что подлинный экстазъ есть плодъ свободнаго воздѣйствія на душу человѣка благодати Св. Духа, и,

лишеніе сознанія и памяти; 8) наконецъ, *уменьшеніе нравственной энергій* экстастика, будь оно до или послѣ или даже во время самаго экстаза; 9) если назвать еще *очевидное разстройство тѣлесной жизни* (какъ основную причину или какъ сопровождающее явленіе).—то будетъ почти полный перечень признаковъ, важныхъ для устраненія ошибокъ въ распознаваніи экстазовъ (с. 495). Самое лучшее предохраненіе противъ того, чтобы спутать экстазъ съ похожими лишь состояніями, напр. съ проявленіемъ истеріи,—это *христіанскія добродѣтели, безъ которыхъ невозможенъ „святой экстазъ“*; именно здѣсь можетъ имѣть мѣсто аксіома, что „дерево узнается по плодамъ его“, такъ и „духъ“ истиннаго экстаза можно характеризовать признаками, данными, напр. въ Книгѣ Премудрости Соломоновой, гл. VII, 22—23. Благодатные дары Св. Духа должны носить въ себѣ хоть отчасти печать Божественнаго ихъ Раздателя, что должно обнаружиться въ слѣдующемъ: 1) соединеніе съ высокимъ избранничествомъ простоты, естественности; 2) радость о всемъ сотворенномъ и горящая ревность о Божественномъ, безъ утраты, однако, сердечнаго мира; 3) постоянно возрастающее обогащеніе души свѣтомъ и дѣятельной силой, важными познаніями и плодотворными стремленіями...; 4) возрастающая гармонія внутренней и вѣшней жизни (с. 501). Примѣры святыхъ — ихъ житія и высокая духовная дѣятельность—показываютъ намъ истинную цѣну подлиннаго экстаза; они вели строгую жизнь, исполненную нравственнаго героизма. И если экстазъ не есть основная причина святости, то онъ не оставался безъ сильнаго и опредѣленнаго вліянія на всю картину жизни и дѣятельности святыхъ людей (с. 503). Къ этимъ указаніямъ Цана замѣтимъ еще отъ себя слѣдующее касательно различія экстаза благодатнаго, или истиннаго мистическаго воспріятія, отъ состоянія экстаза натуральнаго: первое состояніе—сверхприродно, трансцендентно, а второе—совершенно естественно, имманентно порядку этого міра; первое состояніе отличается характеромъ данности, оно—главнымъ образомъ объективно, и объектомъ воспріятія въ немъ является Божество, а второе состояніе—преимущественно субъективно, въ немъ дѣло главнымъ образомъ идетъ о человѣческихъ душевныхъ переживаніяхъ; затѣмъ мистическое воспріятіе вытекаетъ изъ мотивовъ религіозно-нравственныхъ и относится къ области „должнаго“, а состояніе натуральнаго и, близкаго къ нему, патологическаго экстаза только пріятно, ибо „въ немъ человѣкъ испытываетъ прелести земнаго рая“ (Монтегацца, стр. 19). Наконецъ, мистическое воспріятіе не столько порываетъ съ естественной жизнью, сколько именно возвышается надъ ней, ему неизмѣнно предшествуетъ нравственный подвигъ и оно всегда соединяется съ постоянной и строгой самопровѣркой, натуральный же, неблагоприятный и патологическій экстазъ прямо порываетъ съ обычной нормальной жизнью, къ нему человѣкъ идетъ иногда даже путемъ порока и прямо ищетъ въ немъ самозабвенія.

въ-третьихъ, что состояніе истиннаго экстаза есть, въ сущности, лишь предвосхищеніе, предвареніе нашего будущаго прославленнаго состоянія,—Православная Церковь несклонна къ *культу* религіознаго экстаза ¹⁾, какъ такового, а, стараясь мудро поднять общій уровень религіозно-нравственной жизни людей, пребываетъ въ упованіи, что на этой распаханной нивѣ духовной, въ угодное Богу время, самъ собою произрастетъ дивный райскій цвѣтокъ — подлинный, истинный религіозный экстазъ *).

Священникъ Павелъ Аникіевъ.

¹⁾ Ср. Zahn. Einführung. s. 479.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки